

Турки подъ стѣнами Астрахани въ 1569 году

(По новымъ архивнымъ даннымъ *).

Богатая и торговая Астрахань, расположенная на узлѣ двухъ дорогъ: водной и сухопутной изъ Европы въ Азію, издавна привлекала къ себѣ взоры сосѣднихъ туземныхъ владѣльцевъ: съ одной стороны султана турецкаго, съ другой—шаха персидскаго. Послѣдній имѣлъ на нее виды потому, что еще до монгольскаго и хозарскаго владычества, основалъ и построилъ ее персидскій царь Хозрой Великій. Притязанья же перваго основывались на томъ, что завладѣвшіе

*) Въ существующихъ печатныхъ произведеніяхъ („Древ. Россійс. Вивліоѳенка“ 1791, ч. XX, стр. 213—319 и даже въ „Исторіи Россіи“ Соловьева) о походѣ въ 1569 г. турецкой арміи подъ Астрахань разсказывается, что будто войска, подъ начальствомъ Касимъ-бека и хана Девлетъ-Гирея, поднялись вверхъ по Дону на судахъ до Переволоки, куда пришли къ половинѣ Августа этого года. Чтобы переправить суда и тяжелую артиллерію на Волгу, Касимъ началъ проводить каналъ для соединенія Дона съ Волгой, остатки котораго, подъ именемъ Селимовскаго, и до сихъ поръ сохранились ниже Камышина. Но вида невозможность въ скоромъ времени окончить это предпріятіе, наша бросилъ начатое сооруженіе и въ половинѣ Сентября направилъ къ Астрахани. Построивъ на старомъ городищѣ (гдѣ былъ ранѣе этотъ городъ, перенесенный послѣ покоренія въ 1558 году на настоящее мѣсто, на Высокій бугоръ) крѣпость, Касимъ отпустилъ хана въ Крымъ, а самъ съ турецкими полками рѣшилъ зимовать здѣсь. Но среди янычаръ поднялся ропотъ. Волненіе болѣе усилилось, когда стало извѣстно о приближеніи русскихъ войскъ, подъ начальствами кн. Петра Серебрянаго и Замышнн-Сабурова. Кромѣ того, царь Іоаннъ Грозный вызвалъ съ Днѣпра изъ „Черкасъ“ 5 тыс. запорожскихъ казаковъ во главѣ съ кн. Дмит. Вишневецкимъ. „Совокупясь съ Донцами, они одержали великую побѣду надъ Турками на сушѣ и на морѣ“. — Между тѣмъ въ такъ назыв. „Турецкихъ книгахъ“ (№ 2, въ Москов. архивѣ Иностр. дѣлъ) сохранились разсказы самихъ участниковъ этого похода, которые повѣствуютъ о томъ нѣсколько иначе. По случаю нынѣшней борьбы нашей съ Турціей, полагаю умѣстнымъ привести взгляды современниковъ какъ на организацію этого похода, положеніе Турціи, такъ и на силы и могущество Россіи.

Астраханью ханы золотой орды, исповѣдуя магометанство, считали его главою мусульманъ, какъ Халифа—наслѣдника пророка.

По словамъ нашего посла въ Константинополь Ивана Новосильцева¹⁾, поводомъ къ завладѣнію этимъ городомъ, какъ ни странно, выставялась ссора султана турецкаго съ кизылбашскимъ²⁾ шахомъ изъ за того, что персидскимъ купцамъ разрѣшался свободный въѣздъ въ Россію для торговаго промысла въ Астрахани, тогда какъ турецкимъ людямъ въѣздъ въ послѣднюю со стороны русскаго двора былъ воспрещенъ, вслѣдствіе, будто бы, интригъ шаха Хунда-бендея. Между тѣмъ всѣ посылки турецкихъ войскъ пробраться для наказанія Персіи черезъ Кавказъ оканчивались почти всегда неудачами, такъ какъ путь лежалъ черезъ горы, въ узкихъ проходахъ коихъ наносили Туркамъ и Крымцамъ уроны исконные враги ихъ Черкесы.

Какъ рассказывалъ Новосильцеву слуга Касимъ-бека, еще султану Сулейману предлагалъ крымскій ханъ Девлетъ-Гирей вести войну съ Персіянами чрезъ Астрахань, ибо оттуда удобнѣе было спустить на судахъ по Хвалынскому морю безъ урона войска, чтобы стройной, неизнуренной тяжелымъ походомъ, массой нагрянуть на прибрежныя кизылбашскія населенія. Но для этого, конечно, прежде всего надо было завладѣть Астраханью.

И въ письмѣ своемъ Селиму ханъ также похвалялся: „ты бъ послалъ со мною войну свою на Астрахань да язь съ собою возьму своею рати тысячъ со сто и, шедъ, тебѣ Астрахань возьму одного часу, да и Казань твоя жъ будетъ: а не возьму язь Астрахани, и тогда ты меня не жалуй“. Съ своей стороны и Касимъ-бекъ Каѳинскій увѣрялъ молодого султана въ полномъ успѣхѣ предпріятія, если только повелитель правовѣрныхъ пошлетъ съ войсками именно его и хана Девлета.

Не мало способствовали этимъ замысламъ Ногайцы орды князя Уруса и нѣкоторые вліятельные астраханскіе татары, которые жаловались султану на претерпѣваемыя будто бы ими притѣсненія отъ воеводъ и московскихъ людей. Они писали и Касиму,—„велѣли ему

1) Новосильцевъ былъ отправленъ Іоанномъ Грознымъ къ султану Селиму въ качествѣ особаго почетнаго гонца съ поздравленіемъ о вступленіи послѣдняго на турецкій престолъ и съ нимъ была послана грамота отъ 13 Ноября 7078 (1569) года, въ которой царь, между прочимъ, писалъ: „и сказывали намъ, что твои, брата нашего, люди изъ Кафи и изъ Азова пошли къ нашему городу къ Астрахани, и мы тому подивились“ („Древн. Рос. Вивлиоѳ.“. XX, стр. 213).

2) Такимъ именемъ Турки называютъ Персовъ, потому что они красятъ волосы и бороду: кизылъ—красный, башъ—голова, т. е. красноголовые.

идти къ Астрахани, а Астрахань де возьмемъ мы до твоего прихода. И за кѣмъ-де будетъ Астрахань, мы того государя будемъ“.

Селимъ повѣрилъ ихъ клятвамъ и приказалъ готовить войска изъ Царьграда и Анатолиі. янычаръ, также бѣлогородскихъ и добринскихъ Татаръ (изъ Крыма) всего около 80 тыс. человекъ „съ припасами и со многими подкопнымъ и хлѣбнымъ запасомъ“. У Турокъ была такая увѣренность въ побѣдѣ, что султанъ повелѣлъ выдать отправляющимся изъ столицы „военнымъ людямъ“ впередъ за годъ жалованье и грамоты, „гдѣ кому на которомъ приказѣ быть, когда возьмутъ Астрахань“. Ликованіе и надежды были столь велики, что „у многихъ людей въ Царь-градѣ Турки имали передъ отбѣздомъ задатки деньгами за полонъ, который они обѣщали привести изъ Астрахани“.

По словамъ одного полоняника, набралось „турскихъ людей: голова Касимъ-бекъ Каѣнскій да восемь санчаковъ¹⁾, а съ ними тысяча съ полтретятцать²⁾, да крымской царь, а съ ними его царевичи: большой Магометъ-Гирей калга³⁾, другой Алди-Гирей и третій Казы-Гирей, а Татаръ у нихъ было больше тысяча пятидесяти, и тѣ крымскіе Татарова многіе, не дошедъ Астрахани, назадъ ворочались съ нужи“⁴⁾.

Высказавъ, ничего не видя, твердую увѣренность въ побѣдѣ, Турки, оказывается, не знали, куда и какъ идти имъ. „Изъ Кафи шли они на коняхъ; нарядъ⁵⁾ и запасъ везли въ судахъ изъ Царь-града и иныхъ городовъ, которые были близко моря“. Но дойдя до Азова остановились, не вѣдая дальнѣйшаго направленія пути. Касимъ сталъ придумывать, какъ бы добыть проводниковъ. Кромѣ донскихъ казаковъ, не было по близости никого изъ Русскихъ или туземцевъ, знавшихъ на Астрахань дорогу. Турецкимъ развѣдчикамъ удалось перехватить двоихъ изъ нихъ на звѣриной ловлѣ. Однако вскорѣ, изъ подъ Азова же, одинъ донецъ успѣлъ скрыться безслѣдно, и повидимому, предупредилъ своихъ родичей о грозящей имъ и Россіи опасности. Другого хотя Турки удержали „крѣпко“ и по необходимости заставили бѣгъ ихъ „вожемъ“, но онъ повелъ ихъ такъ, что армія Константинопольская миновала донскіе казачьи городки, не причинивъ имъ „шкоды“ и не могла поэтому воспользоваться отъ казаковъ нужнымъ для продовольствія войскъ провіантамъ и живностью, хотя шла

¹⁾ Воеводы, по нынѣшнему наши.

²⁾ Т. е. 15 тысячъ.

³⁾ Кама—предводитель, начальникъ войска.

⁴⁾ Турецкія книги, № 2, стр. 67.

⁵⁾ Артиллерію.

„вверхъ подлѣ Дона коньми же до Царицына рѣки, а нарядъ и запасъ везла Дономъ же на судахъ“.

Такимъ образомъ низовые донцы избѣгли столкновенія съ янычарами, но Крымская орда, слѣдовавшая на Сѣверный Донецъ, захватила въ верховьяхъ атамана Ивана Мотягина съ 40 казаками. Девлетъ-Гирей былъ „вельми“ обрадованъ этой первой побѣдой своей 50 тысячной рати и немедленно отправилъ къ султану гонца съ донесеніемъ, что взялъ онъ на Дону большой казачій городокъ и въ немъ атамановъ и казаковъ побилъ пять тысячъ. Получивъ такую вѣсть, „Селимъ сталъ больше веселъ“¹⁾.

Обѣ арміи—(турецкая и крымская) сошлись у Переволоки, гдѣ р. Донъ, дѣлая громадный изгибъ, приближается верстъ на 40 къ Волгѣ. Сюда же прибылъ Казый-мурза съ тысячею кубанскихъ Татаръ. Ханъ Девлетъ-Гирей послалъ „царевичей добывать на Волгу и вверхъ по Дону языковъ и про государевыхъ, царевыхъ и великаго князи воинскихъ людей провѣдывать“. Они поймали только нѣсколько чело-вѣкъ Татаръ орды князя Уруса, которые повѣдали имъ, что „государевы воеводы многіе были на Волгѣ, на Царицынѣ островѣ²⁾ и пошли вверхъ“. По тѣмъ вѣстямъ ханъ и турецкіе люди стали собираться походомъ на Астрахань. Предстояло самое трудное дѣло—переправить суда и тяжелую артиллерію на Волгу.

Касимъ-бекъ распорядился все выгрузить на берегъ—и орудія, и хлѣбные и пороховые запасы и суда-каторги. Цѣлыхъ двѣ недѣли устраивали турки на донскомъ берегу „колеса и волоки“ подъ суда и артиллерійскій „нарядъ“, намѣреваясь перевалить ихъ на Волгу, чтобы этой рѣкой спуститься до Астрахани.

Устроивъ все, какъ быть должно, рассказываетъ очевидецъ, „прочъ пошли они отъ берега... Шли половину дня, и стали у нихъ волоки и колеса портиться.“ Бились долго съ поправкой, но ничего подлѣять не могли за отсутствіемъ лѣса. Тогда Касимъ приказалъ отобрать „немногія полковыя пушки,“ которыя вмѣстѣ съ „подкопомъ,“ судами, казной и судовымъ запасамъ отправилъ съ воеводой Капыдономъ обратно въ Азовъ, давъ ему для провожанія въ конвой 900 Турокъ. Но немногіе изъ нихъ дошли по назначенію, а болѣе ихъ, сказываютъ, „померли съ нужи на Дону.“

¹⁾ Москов. арх. Иностр. дѣлъ, Турец. кн. № 2, стр. 103—106.

²⁾ Очевидно, на островѣ ниже устья р. Царицы, ибо города Царицына въ то время еще не существовало; онъ построенъ въ 1586 году.

Каеинскій бекъ взялъ съ собой только три большія орудія, ядра у которыхъ „были поменьше головы человѣческой.“ И армія направилась черезъ степь прямо на Астрахань. Однако уже на этомъ пути Туркамъ и Крымцамъ причинился „урокъ,“ хотя и „не великой,“ вслѣдствіе недостатка продовольствія.

Рать остановилась на старомъ городищѣ, куда къ Касиму явились съ покорной головой Ногайцы и Татары астраханскіе, увѣряя его: „служили мы государю московскому, а теперь мы—люди султана турецкаго.“ И привозили Туркамъ „корму.“ „А иначе,—разсказываетъ слуга Касима,—тогда же подъ Астраханью многіе померли бы съ голоду.“

Измѣнники эти оказывали турецкому войску всевозможныя услуги для успѣшнаго завладѣнія городомъ, водили „крымскаго Мустафу съ товарищи досматривать, какимъ приступомъ взять“ его. Но, къ ихъ несчастію, Астрахань стояла въ то время, какъ бы „на острову,“ окруженная со всѣхъ сторонъ водой, почему безъ судовъ и тяжелой артиллеріи приступить къ ней было „не мочно.“

Мѣсяца черезъ четыре послѣ ухода арміи, султанъ получилъ печальную вѣсть, что крымскій ханъ и Касимъ-бекъ „съ воинскими людьми у Астрахани были и промышляли, чтобы взять ее подкопомъ, только подкопа сдѣлать было нельзя, потому—вода заняла. Хотѣли они посылать отъ стараго городища къ городу на приступъ людей, да изъ Астрахани учили по ихъ шатрамъ бить изъ пушекъ.“

„И стали говорити турецкіе межъ себя съ Крымцами: „къ Астрахани приступити нельзя, а людямъ ихъ чиниться изронъ и корма людскаго у нихъ нѣтъ...“ Да и пошли всѣ прочь отъ Астрахани. А стояли подъ нею на Старомъ Городищѣ день съ десять.“

Возвращались они тѣмъ же путемъ, какимъ шли впередъ, только „на разнь, почему турецкимъ людямъ уронъ былъ великой, ибо лошадыми обмерли и мерзли Турки съ голода и нужи.“ До Азова не дошло ихъ и „трети“ всего войска. Если бы не помогли имъ Крымцы и казневскіе Татары, то они всѣ „перепропали бы.“ Послѣдніе терпѣли меньше потерь, такъ какъ „кони у нихъ были добрые, а кормились они конями же, которые мерли подъ турецкими людьми.“

Какъ слышалъ отъ константинопольскихъ жителей посоль Ново-силъцевъ, на обратномъ пути погибло много санчуковъ, а изъ 3 тыс. янычаръ достигло Царьграда всего 700 человѣкъ, „да и тѣ были больны всѣ.“

По прибытіи въ свою столицу, оставшіеся солдаты подали султану жалобу, въ которой писали: „Намъ въ томъ Астраханскомъ городѣ сталъ великой убытокъ и людямъ уронъ, и казнѣ твоя большая

потеря. А буде станешь къ Астрахани впередъ насъ посылати, то лучше здѣсь вели казнити смертью, чѣмъ намъ тамъ напрасно помирати. Астрахань отъ Царя-гряда не близко и приступити къ ней долго, хотя и самъ пойдешь. А ту твою казну и воинскихъ людей крымскій ханъ и Касымъ-бекъ потеряли напрасно. Царь Девлетъ-Гирей пошелъ напередъ отъ Астрахани съ своею ратью и насъ покинулъ. И мы просили его, чтобъ онъ насъ не металъ и тогда онъ велѣлъ намъ подвозиться. А то бы намъ къ Азову не дойти. Видно, случилось твоимъ государевымъ счастиемъ, что къ намъ на встрѣчу Московскіе люди не пришли, а то они бы всѣхъ остальныхъ побили. *Московскій царь людьми силенъ и тебѣ, султану, воевати съ нимъ не за что...*“

Селимъ очень „кручинился“ и гнѣвался на хана и Касима.

— Вы потеряли у меня казну и людей,—говорилъ онъ имъ,—и ввели меня „въ великій соромъ“ предъ другими государями...

Созвавъ своихъ чаушей, онъ приказалъ имъ „известить“ ихъ обоихъ.

Провѣдавъ о томъ, Девлетъ написалъ жившему въ Константинополѣ и пользовавшемуся расположеніемъ султана сыну своему, чтобы онъ „билъ челомъ“ Селимовой сестрѣ вдовѣ Неитъ-царевнѣ, которая была замужемъ за Брастанъ-пашею, и просилъ бы также великаго визиря Магометъ-пашу, дабы султанъ „опалу отдалъ и не велѣлъ ихъ побивати.“ Царевна согласилась за нихъ хлопотать и говорила Селиму: „ежели не взяли они Астрахани, то, видно, такъ Аллахъ тому велѣлъ быти.“

Любя и почитая сестру, султанъ отмѣнилъ свое рѣшеніе, но сказалъ ей:

— Все равно впередъ быть имъ отъ меня изведенными.

— Девлетъ-Гирей называетъ себя царемъ.—съ гнѣвомъ говорилъ онъ царевнѣ и визирю.—Онъ ставитъ себя больше меня, хотя посаженникъ отца моего. Онъ ссылается съ Московскимъ великимъ княземъ и послы и гонцы межъ ихъ ходятъ, а обо мнѣ забыли!...

За такое „вызволениѣ“ ханъ и Касимъ прислали Магометъ-пашѣ „великія поминки.“ Однако и послѣ этого опальный полководецъ не рѣшался выѣзжать изъ Кааы въ Константинополь. Онъ страшился не столько гнѣва султанскаго, сколько ненависти тѣхъ „турецкихъ“ людей, которыхъ водилъ подъ Астрахань. Ему дошелъ слухъ, что они готовились убить его, какъ только онъ появится въ столицѣ.

Чтобы, должно быть, обѣлить себя предъ повелителемъ своимъ. Касимъ прислалъ великому визирю чертежъ Астрахани съ поясненіемъ. насколько силенъ и крѣпокъ городъ и почему нельзя было взять его.—

Лучше бы султанъ просилъ у московскаго царя добровольно отдать ему Астрахань,—при этомъ совѣтывалъ онъ Магомету.

— Видно Касимъ не во своемъ умѣ ходить,—вскипѣлъ Селимъ. когда визирь передалъ ему мнѣніе неудачливаго полководца,—онъ хочеть, должно быть, сдѣлать ссору между двумя государями. Или ему не жаль головы? Развѣ у него ихъ двѣ?...—Сердито добавилъ онъ и бросилъ рисунокъ на полъ.

И не только сами турки, но и другіе европейскіе народы были увѣрены въ томъ, что у московскаго государства никакъ невозможно отбить Астрахань. По разсказамъ Новосильцева, когда вѣсть о гибели селимовской арміи достигла французскихъ городовъ, то „Франки о томъ возрадовались и межъ себя учили говорить: *Государь де Московскій—великой, и кому противъ него стояти! Отъ невпрныхъ его Богъ обороняетъ...*“

Спустя лѣтъ пятнадцать, Ногайцы снова хотѣли втравить Турцію въ войну съ Россіей. Для этой цѣли въ 1584 году князь Урусъ посылалъ въ Константинополь своихъ пословъ Кутлабердыя и Оттинбая, которые жаловались султану Мурату, что терпятъ отъ Русскихъ большую „тѣсноту.“ По ихъ словамъ, царь Московскій „нарочито учинилъ на Волгѣ казаковъ,“ которые „улусы Ногайскіе погромили многіе, а нынѣ ходили казаки на Кайганъ за Бузанъ рѣку, да за Яикомъ днища три воевали по рѣку по Эмбу и имъ Московскихъ людей впредъ прожить не мочно на Волгѣ, Яикѣ и Эмбѣ.“ потому что на нихъ „поставили городки многіе.“

Послы говорили еще, будто когда князь Урусъ отправилъ съ такимъ же челобитьемъ въ Москву отъ себя гонцовъ, то бояре и приказные люди „учинили имъ безчестье великое, мало не побили на смерть.“

Что отвѣтилъ на просьбу Муратъ, къ сожалѣнію, осталось не извѣстнымъ. Однако онъ открыто высказывалъ свое неудовольствіе распоряженіямъ Московскаго двора, завязавшаго дружественныя сношенія съ персидскимъ шахомъ Магометъ-Мирзой Худабендеемъ,¹⁾ который предлагалъ Россіи Дербентъ и Баку, если царь Ѳеодоръ Іоанновичъ повелитъ построить около нихъ укрѣпленные русскіе города, такъ какъ послѣ уничтоженія въ 1580 г. по настоянію султана и крымскаго хана острожка Терка, на устьѣ р. Сунжи, каша кавказская граница была совсѣмъ ничѣмъ не защищена отъ турецкихъ вторженій, причинявшихъ нерѣдко уроны и персидскимъ владѣніямъ.

¹⁾ Правившимъ персидскимъ государствомъ съ 1578 по 1587.

Только поселенные на этой рѣкѣ терскіе казаки да Доицы преграждали иногда пути турецкимъ военнымъ отрядамъ и торговымъ людемъ, направлявшимся изъ Азова къ желѣзнымъ воротамъ.¹⁾

По этому поводу одинъ изъ вліятельныхъ турецкихъ военачальниковъ Асманъ-паша говорилъ нашему послу Борису Благово: „если царь вашъ съ Дона и Терека казаковъ сослать не велить, то султанъ пошлетъ насъ всѣхъ съ крымскими и ногайскими людьми на царя вашего землю да и подь Астрахань. И мы вѣдаемъ, какъ на Астрахань прійти и мочаги²⁾ воложскіе всѣ знаемъ. И того часа возьмемъ ее.“

— Чѣмъ ты похваляешься, то все дѣло въ рукѣ Божіей, — резонно отвѣтилъ ему Благово. — Кому что Богъ далъ, тѣмъ похваляться не зачѣмъ. Нынѣ Астрахань у Государя нашего Божіимъ чудомъ укрѣплена и людей въ Астрахани воинскихъ много. А ты, паша, и самъ вѣдаешь, когда Астрахань была не въ добрѣ утверждена и вашего государя люди къ ней ходили, а что же тогда ей учинили? Развѣ тебѣ не случалось слышать, какова нынѣ Астрахань? Да что говорить о томъ. Астрахань въ Божьей рукѣ; кому ею впередъ Богъ велить владѣть, тотъ ею и учнетъ владѣть!..

Асманъ-паша принужденъ былъ замолчать послѣ такихъ вѣскихъ словъ. Турція прекратила всякія попытки къ завладѣнію отдаленной татарской столицей. Но съ этого времени стала наносить намъ много вреда по кавказской границѣ, враждебно настраивая противъ насъ тамошнихъ горцевъ...

П. Л. Юдинъ.

¹⁾ Такъ назывался Дербентъ.

²⁾ Стоянки, остановки, мѣста для водою и корма.